

Святослав БЭЛЗА:

В эфире — музыка легкого поведения

Лето. Кто-то уехал на дачу, кто-то и вовсе на край света. Казалось, «Прямая линия» будет еле-еле теплиться, рискуя сойти на нет. И вдруг — шквал звонков, и все о своем, о наблевшем.

— Добрый день, Святослав Игоревич. Мы слушаем обычное радио. Все в загоне! Нет познавательных передач. Паузы заполняют отрывками из классических произведений. Передавали фрагменты из «Карнавала животных». Ни автора, ничего. Спрашиваю: кто сочинил «Лебедя»? Домашние не знают.

— Они не смотрели «Музыку в эфире», а то бы знали, что Сен-Санс. К сожалению, пресс коммерциализации оказался, может быть, даже суровее, чем пресс цензуры. Иногда оправдываются тем, что есть телеканал «Культура», есть радио «Орфей» для ненасытных любителей классики. Остальные будут жить по законам рыночной экономики. У нас в провинции очень много непрофессиональных людей. Я только что вернулся из Осташкова, чудного городка на берегу Селигера, где Ирина Архипова, великая примадонна, провела уже в 13-й раз музыкальный фестиваль. В этом году там были Артур Эйзен, Тамара Синявская, Муслим Магомаев, Василий Лановой, Ирина Константиновна пела с лауреатами конкурса Глинки. Люди берут отпуска, приезжают из других городов, чтобы послушать. Для них хочется трудиться.

— Меня зовут Лариса Петровна. Я хотела сказать о засилье поппсы: и в поездках, и на улицах, и на всех радиостанциях, какую ни включишь, — всюду эти совершенно невыносимые песни.

— Я это называю музыкой легкого поведения.

— А как вы относитесь к тому, что, скажем, в «Покаяние» ввели 9-ю симфонию Бетховена, или Шнитке в ткань фильма «Мой друг Иван Лапшин», или Вагнера в «Апокалипсис»?

— У Коппола «Полет валькирий» использован очень здорово. Понимаете, есть режиссеры музыкальные, есть немзыкальные. Для одних музыка — это фон. Для других — равноправный герой фильма.

— Может быть, таким образом и воспитывать слушателя?

— Здесь все средства хороши. Мне рассказывала великая Монтсеррат Кабалье, что она сначала пришла в ужас, когда Фредди Меркьюри предложил ей знаменитый дуэт, а потом смеясь говорила: знаете, обо мне узнали миллионы тех, кто никогда не ходит в оперу. Но хорошо, когда это понастоящему талантливые люди, первые в своем жанре, а у нас пример Меркьюри и Кабалье подхватили люди иного творческого потенциала. Получилось просто обезьянничанье.

— Меня зовут Петр Саидов. Я знаю многих электронных музыкантов, которые гордятся тем, что не знают нот. Как вы считаете: нужно молодежи сегодня знание классической музыки?

— Несколько лет назад на джазовом фестивале в Пории, в Финляндии, с Оскаром Питерсоном, одним из последних гигантов джаза, мы говорили как раз о важности классического образования, знания классики для поп-певцов, рок-музыкантов. Он рассказывал, что разыгрывается «Хорошо темперированным клавиром» Баха. «Битлз» начинали не зная нот, но потом освоили нотную грамоту...

— С вами говорит Морозова Наталья Павловна. Я преподавала в школе музыку, когда внедрялась система Кабалевского.

— Да, но к ней по-разному относятся педагоги.

— Я работала в обыкновенной, более чем средней школе. Там были в основном дети из неполных семей. Самой большой радостью для меня было, когда какой-нибудь сорванец говорил: а мы с мамой на «Евгения Онегина» ходили.

— Кстате, из таких сорванцов выходят потом люди славные.

— Просто сердце болит, когда смотришь, как молодежь оглушается поп-музыкой. У Кабалевского был термин — «слушать тишину».

— Еще лучше сказал великий Нейгауз: звук должен быть укутан в тишину, как бриллиант в бархат шкатулки.

— Вопрос такой: есть ли сегодня кто-то, кто занимается спасением детских душ, серьезным образованием детей и подростков?

— Есть люди, которые посвятили этому жизнь: Виктор Сергеевич Попов, руководитель Российской хоровой академии, Александр Сергеевич Пономарев, создатель школы «Весна». Они принимают всех детей, а не только музыкально одаренных.

— Кабалевский говорил, что хорошее музыкальное воспитание способствует развитию души. Знаете, когда мы, учителя, были на всевоз-

можных курсах повышения квалификации, все вместе там пели, слушали, это было счастливое время.

— Я беседовал с выдающимися музыкантами, такими, как Мстислав Ростропович и Владимир Ашкенази, и они говорили, что в Советском Союзе была создана лучшая в мире система художественного — в частности, музыкального — воспитания. Мне кажется, что, по счастью, эту систему в общем удалось сохранить. Более того, строятся и открываются новые школы. Я часто бываю в Сургуте. Город богатый, поскольку там нефтяники. И вот я в шутку сказал мэру: непонятно, кого вы готовите — будущих нефтяников или музыкантов, потому что у них какое-то рекордное количество музыкальных школ и училищ. Родители, даже далекие от музыки, ведут туда своих детей. У них «Стейнвей» лучше, чем в Московской консерватории, есть орган.

— Но если родители ведут детей в музыкальную школу, это нормальная семья. А я помню, как горели глазенки у девочки из семьи алкоголиков, когда я повела ее на «Лебединое озеро».

— Архипова рассказывала, что самое сильное впечатление ее детства — «Щелкунчик». Ребенок не должен без этого вырасти!

— Меня зовут Ольга, мне 17 лет. Люблю оперу, постоянно смотрю ваш цикл «Шедевры мирового музыкального театра». Будут ли там русские оперы и постановки наших театров?

— Вы знаете, как это ни прискорбно, купить эталонные постановки самых знаменитых театров мира с лучшими певцами и дирижерами дешевле, чем у нашего Телерадиофонда право показа старого спектакля или фильма-оперы.

— А можно еще вопрос? Как вы относитесь к «Геликон-опере»?

— Москва может себе позволить иметь такой театр при наличии Большого, Театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, Новой оперы, Театра Покровского. Дмитрий Бертман фантастически талантлив, и к нему идет молодежь, находя там нечто более привлекательное, чем в академических театрах.

— Святослав Игоревич, Петр Лихолитов из Москвы беспокоит. Как вы относитесь к Николаю Баскову, к переходу классического певца в поп-музыку?

— Я знаю Николая лично, ему всего 23 года. Он безусловно талантлив. Голос есть. Но я боюсь, что его постигнет судьба моего знаменитого друга, гораздо более талантливого, — Муслима Магомаева. То есть эстрада похитит его у оперы. К сожалению, совмещать оперное искусство и эстрадное микрофонное пение невозможно — долго, по крайней мере. Безусловно, для эстрады это огромное приобретение, там так много безголосых мальчиков и девочек, что просто страшно. А для оперы это рано или поздно будет потеря, хотя и небольшая.

— Хочу спросить, для какого слушателя вы делаете передачи?

— Безусловно, для интеллигентного или стремящегося стать таковым. Но в первую очередь я рассчитываю, конечно, на меломанов, в том числе и начинающих. Вы знаете, я просто преисполнен радости, когда после цикла реконструкций балетов Дягилева и Баланчина вдруг позвонила прославленная Ольга Васильевна Лепешинская и сказала: «Славочка, дорогой, я и то обо всем этом знала лишь понаслышке. А что уж говорить о молодых!»

— Я в детстве читала книгу вашего отца о Шопене. А кто вы по специальности, музыковед?

— Нет, боже упаси. У меня «тяжелая наследственность»: оба родителя музыканты, меня в детстве перекормили музыкой. И я пошел на филологический факультет МГУ, его закончил, и с тех пор состою беспорочно на службе в Институте мировой литературы РАН — написал кучу всяких штудий и предисловий. Телевидение меня вернуло к музыке передачей «Музыка в эфире».

— С вами говорит Нина Александровна, почитательница искусства Большого театра. Почему о моем любимом театре плохо говорят?

— Мне кажется, в Большом театре, особенно в последнее время, многое дает повод для оптимизма. Конечно, там обстановка сложная и те, кто помнит золотые времена Большого, печалются. Но последние гастролы Большого театра — как балетной труппы, так и оперной — показали, что в мировом масштабе он своего рейтинга не утратил.

Подготовила Юлия РАХАЕВА